

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НАУКА РОССИИ:

самоунижение и самоуничтожение

В последнее время часто приходится слышать, что мировая экономическая наука находится в кризисе, она не может объяснить многие хозяйственные явления, оказалась бессильна предсказать мировой финансовый кризис и т. д. Причины называются разные — от неадекватного математического аппарата и устаревшей финансовой математики до имманентных свойств самого экономического знания, выражаемых его плюралистичностью, релятивизмом и фрагментарностью. Кроме того, экономическая наука не является однородной. Она представлена людьми, которые имеют различные взгляды и предпочтения, включая и идеологические, что не может не сказаться на формулировках и рекомендациях, содержании того знания, которое они синтезируют. Экономическая наука представлена многими школами, которые часто придерживаются прямо противоположных трактовок, опираясь на одни и те же статистические данные. Подобные школы, например, монетаризм и кейнсианство, либо марксизм сосуществуют, конкурируют, развивают собственное видение, взгляд на экономические явления и взаимосвязи. Исследователи, входящие в ту или иную школу, должны исходить из необходимости не слепого следования собственным априорным установкам, а получения доказательств и объективных данных тем положениям и позициям, которые они отстаивают.

Экономическая наука как система, включающая труд составляющих и представляющих ее исследователей, должна предлагать результат по двум магистральным направлениям: собственной методологии, то есть совершенствовать аппарат проведения и интерпретацию исследований, развивать методологический аппарат (развитие «внутри») и предлагать результаты (модели, методики) для управления, обоснование мероприятий экономической политики — передаточный механизм экономической политики (развитие «вширь»).

На наш взгляд, современная экономическая теория (наука) не испытывает никакого кризиса, даже несмотря на то, что имманентно обладает свойствами (фрагментарности, плюрализма, релятивизма), которые привносят отсутствие строгости, нормативную компоненту в это знание. Наука в свои разные исторические периоды трудом своих представителей рождает разные теоретические подходы, исполняющие роль инструментов познания — объяснения, описания, прогноза и управления экономическими яв-

лениями, хозяйством. Несмотря на понимание природы капиталистического кризиса, дать абсолютно точный прогноз и предвидение его не удастся. И это является ограничением действенности аппарата науки, но не ее кризиса. Это означает, что скорость хозяйственных процессов, изменений опережает скорость появления аналитических конструкций. Поэтому выходом для науки видится ее сосредоточение на решении коренных проблем человеческого общества (наука должна решать конкретные проблемы): энергетический и продовольственный кризис, климатические изменения, бедность, неравенство и несправедливость, разрушение экосистем, создавая и совершенствуя инструментарий по трем основным направлениям: теории эффективности, теории развития и теории «передаточного механизма» экономической политики.

Иными словами, экономическая наука должна обратиться к своим корням, истокам, то есть проблеме экономии и проблеме эффективности, производства, накопления, распределения и обмена. Конечно, важный аспект при этом состоит в том, как организована сама наука. Ее организация и стилистика функционирования, включающая работу кафедр, институтов, академических и научно-практических журналов, консультационную работу в правительстве, определяет в итоге общее качество знаний и результативность. Состояние хозяйственной системы влияет на характер получения экономического знания и на состояние экономической науки в данной стране.

Каждая хозяйственная система имеет свои источники развития, определяемые географическим положением, климатом, исходной ресурсной базой, условиями производства, научного и технологического развития. Структура национальных хозяйственных систем отличается даже для наиболее развитых в научно-техническом отношении стран — лидеров мирового развития, наиболее богатых государств. Относительно стран разных регионов мира и говорить не приходится — условия, хозяйственные пропорции и закономерности развития существенно отличаются. В связи с этим, трудно утверждать, что рецепты какой-то одной экономической школы будут справедливы применительно к разным странам.

Только та экономическая теория, которая исследует воспроизводственную основу экономики, то есть исходные хозяйственные пропорции и закономерности их изменения, будет способна объяснить экономическое развитие разных национальных

систем и дать убедительные рекомендации для экономической политики. Остальные теории будут иметь усеченное значение, будут объяснять только события в тех системах, на материале которых и изучении закономерностей динамики которых, они формируют свои обобщения. Применение кейнсианства или монетаризма в Чаде или Эфиопии не даст того же эффекта как в США и Европе. Аналогичным образом теоретический каркас неоклассики и монетаризма, сведенный к принципам «вашингтонского консенсуса» оказался губительным для экономических систем постсоциалистических стран. Борьба с инфляцией стала фетишем номер один, причем очень дорогим для экономики, поскольку ценой такой «борьбы» стало разрушение производственно-технических систем экономики и ее индустриальной основы.

Либерализация хозяйственной системы обеспечила «импортную атаку» на экономику и воспроизвела режим ее структурной зависимости с лавинообразной деградацией отечественных производств и ликвидацией части производств, усилением позиций сырьевого комплекса. Следовательно, «голландская» болезнь, как сейчас можно характеризовать процессы в российской экономике была спровоцирована не открытием новых месторождений, как когда-то в Голландии, а методологически неверным применением теоретического аппарата науки к оценке развития хозяйственной системы, к возможностям ее изменения, и даже к определению направления этого изменения.

Объективация процесса экономического поражения СССР в «холодной войне» — это главная ошибка, а может быть, целенаправленное деяние, с тем, чтобы обесценить «национально ориентированные» силы отечественной экономической науки и управления, дезориентировать их и «интеллектуально» подчинить якобы более правильным, справедливым и достойным «интеллектуальным» силам западной экономической мысли. Проблема состоит в том, что никто не взвешивал факторы разрушения СССР, поскольку их было множество, да и сама процедура сложна и субъективна. Раз так, то и однозначно утверждать, возвышая некий один фактор, тем более, только экономический, невозможно. Бесспорен факт, что геополитический фактор был определяющим. Это доказывают материалы соперничества двух систем — военно-технического, политического, дипломатического и др. Российскому обществу до сих пор подается тезис о неком распаде страны, как будто это кусочек самораспадающегося урана.

Вместе с тем, нужно вспомнить, что именно с 1946 г. с Фултонской речи У. Черчила начинается история холодной войны — войны против своего союзника, который обескровлен войной, потерял 27 млн человек, большая часть европейской территории страны которого требовала восстановления. Даже в этих условиях страна продолжала развиваться, создавать новые секторы производства, науки, обеспечивая свою оборону, и улучшать уровень жизни населения, хотя явно с меньшим успехом. Именно этот аспект был разыгран в период политической дестабилизации страны и ее системы управления во второй половине 1980-х годов с тем, чтобы обеспечить

ее расчленение, реализацию стратегии «разделяй и властвуй» и известной американской доктрины «доллара и штыка», которую провозгласил в период 1909—1913 гг. президент США У. Тафт.

Уже через три года после разрушения советской системы мир наблюдал войну внутри России, а еще через семь лет бомбежки европейской страны и разрастающиеся войны, экспортируемые из США — технология переброски войск к не устраивающей их стране. Таким образом, налицо сложились три важных условия, определяющих современное мировое развитие.

1. Крах международного права и мирового порядка с вытекающим усилением военных конфликтов, организуемых высокоразвитым в экономическом отношении государством. При этом международные организации, зависимые от финансирования становятся декорацией для проведения глобалистской гегемонистской политики «страной-жандармом», которая стремится сохранить свое экономическое и политическое влияние повсеместно.

2. Обострение экологических проблем и усиление бедности — диспропорций развития, без существенного продвижения в их решении. Рост организованной преступности в мире и расширение доли дивиантных общественных форм поведения. Эти проблемы, а также наличие увеличивающихся конфликтов в виде войн не учитывает ни одна экономическая теория, с одной лишь оговоркой относительно объяснения войн для марксизма и экономической школы, изучающей циклическую динамику. В частности, анализ войн проводил Н. Д. Кондратьев, пытаясь дать их согласованный анализ с выделяемыми им большими циклами. Однако экономические теории, принимаемые сегодня в качестве базы для экономической политики, подобного анализа не проводят и данные факторы практически не учитывают.

3. Отсутствие императивов мирового развития — неадекватность стратегий догоняющего и опережающего развития, обострение борьбы за сохранение капиталистической формы хозяйства, «клановости» общественной системы, прикрывающей свою неэффективность под ширмой разговоров о демократии и якобы имеющейся возможности решать существующие проблемы методом «голосовательной» процедуры. Однако при решении международных вопросов опыт показывает, что голоса могут покупать, существует политическая торговля, в которой наравне с материальными выгодами присутствует и политический интерес, что также предстает в виде отсроченной материальной выгоды.

По мере повышения уровня нестабильности развития мировой экономики и деградации хозяйственной системы России, экономическая наука также не стояла в стороне от деструктивных процессов в обществе и хозяйстве, будучи подверженной этим же процессам. Основные негативные проявления ее состояния и движения сводились к следующим позициям.

Во-первых, потеря самостоятельности, обесценивание прошлого опыта, национальных черт, необходимого критицизма и возведение кумира в лице

«мэйнстрима», неумение справиться по названным причинам с расширяющимся информационным разнообразием.

Во-вторых, разделение научного сообщества России условно на две большие группы «рыночников» и «государственников». Обострение дискуссии между этими группами, при том условии, что группа «рыночников» становится группой экспертов власти, а группа «государственников» отторгается. Здесь можно и нужно упомянуть уничижительное отношение к выступлениям академика Д. С. Львова, который представлял вторую группу экономистов, был ее наиболее яркой фигурой.

В-третьих, возникновение новых центров образования и исследований, ориентированных в своей деятельности на развитие либеральной экономической идеологии, поддержку «мэйнстрима» внутри России. Возникают учебные заведения, развитие которых особо поощряется правительством, которые получают миллионные гранты, приглашают высокооплачиваемых западных профессоров, да и готовят студентов к отъезду. Эта система сращивается с аппаратом правительства. Именно эти агенты получают преференции при разработке правительственных программ, потому что идеологически толерантны к проводимому общему курсу экономической политики. Как известно, в 2012 г. президентом страны объявлено, что все планы по приватизации будут доведены до конца, даже по идеологическим соображениям.

Таким образом, расширение свободы мышления, повышение гибкости экономического анализа столкнулось с рядом трудностей, обусловленных процессами дезорганизации общества и экономики, экономической науки, возникновением институтов, поощряющих подражательный и подчиненный характер развития экономической науки интеллектуальным центрам Запада.

Возникла мода не только на приглашение западных консультантов российского правительства, но и на приглашение профессоров, так называемых «звезд», задающих тон проводимым конференциям. Кстати, такие корифеи секции экономики РАН, как академик Л. И. Абалкин и Д. С. Львов очень сдержанно относились к такой практике, прекрасно понимая, что узурпировать истину невозможно, знать лучше нас самих наше общество и перспективы организации нашего хозяйства не может никто, как бы скрупулезно извне не изучал эту жизнь. Видимо, поэтому и к названным крупнейшим экономистам России — «государственникам» возникало предвзятое отношение.

На одном из симпозиумов, проводимых в России, с приглашением так называемых экономических «звезд» Запада, пришлось наблюдать картину, когда доклады отечественных экономистов априорно признавались хуже — на них отводилось меньше времени и внимания. Те доклады, которые высказывали аргументированную критику отдельным теоретическим положениям, развиваемым западными школами, например, Шумпетером, вообще отвергались. Интрига состояла в том, чтобы не включить подобные доклады, сведя их до уровня дискуссии, потому что российская наука не терпит сомнений в принципах

сформулированных западными корифеями и приглашает так называемых «звезд» с докладами сегодня, явно подчиняя любые российские исследования этому событию.

Это постыдное проектируемое (рукотворное) положение вещей составляет суть интеллектуальной зависимости в развитии экономической науки, на которую откровенно идут отдельные представители академического истеблишмента, действуя по правилу «нет пророка в своем отечестве». Воспроизводство режима спокойствия, невозмутимости относительно базовых принципов порождает самоуспокоенность, искореняет так нужный скептицизм в отношении многих западных доктрин, что всегда было атрибутом российской школы политической экономии и советской школы экономистов. Это первый пункт зависимого прогресса в области экономической науки, а, точнее, отсутствия подлинного научного прогресса, который состоит в возможности пересмотреть прошлые принципы и предложить новые. Обесценение собственного мышления в области вопросов организации хозяйства — главное условие конкурентного поражения страны на мировой арене, условие создания режима зависимого развития, либо режима контролируемого «сдерживаемого» развития.

Стиль доклада, когда ссылаются на многие работы западных специалистов — ничего не доказывает. Результаты этих работы нужно проверять, включая и эмпирическую основу, и на каждой экономической системе отдельно. Подобные сопоставления и отсылки выглядят неубедительно для отечественной экономической науки. Научные доклады, ссылающиеся или приводящие чей-то опыт, также становятся мало убедительными, поскольку известны многократные случаи, когда при переносе институтов и организационных форм из одной социально-экономической среды в иную, эти формы и правила не приживались, резко повышалась их неэффективность, происходило их отторжение.

Разделение по линии «рыночники — государственники», безусловно, произошло и хорошо наблюдаемо по научным журналам. Часть из них, получив свое имя в советское время, благодаря принадлежности к Академии наук СССР, любыми способами решило отодвинуться от своего «исторического» ресурса, используя приобретенную марку в сегодняшних условиях для сохранения подписчиков и расширения собственного влияния. Их цель — деньги. Если порождена мода и признано «высоким» дело западных экономических школ, то, для получения денег, самое вероятное, двигаться в этом русле. Поэтому данные журналы публикуют обзоры, одобряют те статьи, которые не несут живой мысли, а содержат обзоры западных исследований, что само по себе полезно, но не более того. Хуже иное, под видом высокого спроса и названной моды, им удается поддерживать подписку. Однако это не означает, что журнал многие читают. Более того, имя журнала сложилось давно, отделить исторические заслуги от сегодняшних заслуг довольно трудно. Проблема в том, что издание научной литературы в России находится в упадке. Такое же положение

и с подпиской на научные журналы по экономике — число подписчиков падает год от года.

Некоторые агенты и библиотеки подписываются автоматически, оставляя наиболее «старые», известные журналы, отказываясь от подписки на журналы, созданные в 1990-е годы. Создание отечественной бюрократией списка научных журналов ВАК (перечня ведущих рецензируемых научных журналов, включенных Высшей аттестационной комиссией России в список изданий, рекомендуемых для опубликования основных научных результатов диссертации на соискание ученой степени кандидата и доктора наук) усугубляет ситуацию и чисто бюрократически закрепляет позиции подобных журналов, которые почему-то называются, чуть ли не лидерами. Конечно, обзоры цитироваться будут чаще, нежели авторские исследования и мнение отечественных профессоров. Если спрос подогревается на западные точки зрения, то и результат будет соответствующим. Кроме того, учитывая клановое построение науки в России, в подобных журналах преобладают версии этого клана, публикуются статьи — обзоры по банкам, денежной политике, многие лица, стремящиеся в участники секции РАН, публикуют серии своих работ в этих журналах. Однако на поверку весь этот пафос рассыпается, когда наиболее одаренные студенты и аспиранты жалуются, что читать там нечего, если только для критического обзора первой главы диссертации. А для подготовки диссертации нужно изучать, как правильно они рассуждают, монографии (крупные работы в данном направлении науки). Статьи имеют только вспомогательное значение.

Опасность противоборства между «рыночниками» и «государственниками» состоит в возникновении неэтичных, оскорбительных случаев, причем между делом, в пылу рассуждений. Подобное должно быть исключено. Невозможно представить, чтобы профессор МГУ, член редколлегии журнала либерально-рыночной ориентации применял оскорбительно-уничтожительные характеристики ко всем авторам старейшего журнала страны «Экономист», который имеет значительное по российским меркам число подписчиков (тираж 2000 экз.), статьи авторов которого переводятся в соответствующих западных изданиях и главное — публикуются авторские разработки по широкому кругу вопросов экономического знания. Конечно, вызывает раздражение статья журнала о том, что студенты западного университета отказались слушать лекции макроэкономиста профессора Г. Мэнкью, чья модель известна в России, публиковалась неоднократно. Да и сам этот профессор приглашался в Россию. Однако модель его работающая, а его лекциями неудовлетворен и западный слушатель. Безусловно, среди российских заинтересованных участников это вызывает раздражение, но опускаться до оскорблений в своих личных оценках — это значит атаковать людей, а не проблемы. Журнал «Экономист» решает главную задачу — обсуждает существо экономических проблем развития России и мировой экономической системы. Он развернул масштабную дискуссию среди национально ориентированного и патриотично мыслящего научного сообщества по

поводу новой индустриализации страны и поиску ее форм. Любое издание имеет текущие проблемы, в том числе проводит редакторскую политику, но важно сохранить одно — любой общероссийский научный журнал, имеющий имя и историю не имеет права замыкаться односторонне на своем «клане», обязан давать палитру взглядов и мнений как главного условия поиска истины при соблюдении этических норм общения и научного поиска. Если профессора МГУ нарушают такие нормы, то это дело их совести, либо ее отсутствия. Ясно одно, ведущий вуз страны, желающий сохранять свой такой статус должен иметь в своем составе кадры соответствующего этического содержания. Стремление унижить кого-то унижает только его самого.

Заискивающая форма общения с западными представителями экономической науки делает «медвежью услугу» развитию экономической науки России. Конечно, речь не идет об отсутствии обмена, дискуссий, встреч и конференций. Разумеется, приглашение является основной формой такого обмена и дискуссии, но смысл в том, чтобы исключить подражание и заискивание, спекуляцию в этой области. Каждой модели, позиции, не говоря о концепции и теории, нужны обоснования (логические), подтверждения — эмпирические. Точность определений и формулировок довольно значима в экономической науке. Если эти формулировки расплываются, если выстраиваемые классификации постфактум также сильно упрощены и условны, то данный набор тезисов вряд ли уместно именовать теорией. Проектируемые модели, подобно названным только искажают и направления развития самой науки, и, что особенно важно, нарушают логику практических решений и интерпретацию результативных действий в области экономики, осуществляемых правительствами.

В российской экономической науке, на наш взгляд (многие его признают ошибочным), сложилась система, которую условно можно назвать «академическим шоу-бизнесом». Она не имеет никакого отношения к оценке по достоинству научных достижений, с вытекающей отметкой тех исследователей, которые эти достижения обеспечивают.

«Академический шоу-бизнес» сводится не только к выборам в академию и относится к тем научным направлениям, где определить подлинный научный вклад проблематично. Он воспроизводится самой иерархической системой — системой академических званий, возвышающихся над степенями кандидата, доктора наук и званиями доцента и профессора. Точнее, вклад — худо-бедно определить, установить можно, либо его отсутствие, а вот сравнить этот вклад с вкладом иных соискателей довольно сложно. Здесь включаются, как правило, субъективные критерии, не имеющие отношения к научному труду.

Подобные процессы охватывают и высшую школу России, систему подготовки научных кадров, о которой я неоднократно писал.

Граждане страны должны поставить под общественный и государственный контроль процессы в науке и высшей школе, которые осуществляются за деньги налогоплательщиков. Проводить необосно-

ванные изменения, формальные и поверхностные по существу или увеличивающие коррупцию, как это происходит сейчас, увеличивающие власть «местных» князьков от науки и образования, безнравственно. Нельзя поощрять развитие неких ассоциаций экономической науки России, которые вводят цензуру и измеряют науку по титулам своих организаторов, учредителей, намеренно блокируя выступления отдельных профессоров, включая несервильную молодежь (потому и неугодную), на конференциях, позиция которых идет вразрез с официозом или с позицией членов этих ассоциаций. Причем необходимо порицать стилистку присвоения права определять, что верно и что неверно в науке, какой уровень высокий, какой низкий для равноправных исследователей. У подобных ассоциаций на их сайтах приведены цели создания, как доведение уровня исследований в России до мирового. При этом, как правило, уровень организаторов данных ассоциаций таков, что их научные исследования сводятся к копированию западных исследований с небольшими изменениями. Они назначают себя сами судьями по оценке уровня, пользуясь регалиями и эффектом «принадлежности к организации». Стилистика поведения, когда профессору не дают выступить под тем или иным предлогом должна быть упразднена, всячески высмеиваться и отвергаться. Это типичное не научное поведение, связанное с блокированием научной карьеры молодых исследователей, критически мыслящих, аргументировано отстаивающих свои позиции в науке и жизни. В условиях объявленного стратегического ориентира на воспроизводство инноваций оно является крайним ограничением.

Более того, о каком же инновационном прорыве и какой судьбе экономической науки России можно говорить, если доктор наук, профессор, ведущий сотрудник института Академии наук имеет заработную плату в 21 тыс. руб. (это с надбавкой, оклад составляет 17 тыс. руб.), то есть 600 с небольшим долларов? Он вынужден преподавать в нескольких университетах, чтобы просто физически жить, речь даже не идет о полноценном отдыхе.

О каком «инновационном прорыве» можно говорить, если молодежь не выдвигается на ответственные позиции и должности принятия решений в науке, образовании, производстве, а если выдвигается, то это выдвижение становится большей частью итогом клановой игры, либо сервиллизма. В подготовке молодежи не заинтересованы люди пенсионного возраста. При этом забывается то, что высшая цель образования не просто подготовка новых кадров, а подготовка таких кадров, которые бы в перспективе опередили своих учителей. Такая подготовка возможна только при высочайшей культуре управления и осознания задач кадрового обеспечения национального хозяйства как центрального условия его конкурентоспособности. То же относится и к научным кадрам в широком значении и применительно к экономической науке в частности. Когда граждане страны ощущают, что как будто в стране не за кого голосовать, нет альтернатив — это прежде всего говорит о том, что отсутствует кадровая политика, обучение и подготовка кадров, а

режим отсутствия адекватной и достойной замены воспроизводится искусственно.

Если молодой исследователь предлагает создать в академическом институте сектор (включающий еще двух молодых докторов наук и двух кандидатов наук), делает доклад на эту тему, получает одобрение, но в преддверии грядущих сокращений в РАН создание сектора откладывается с формулировкой на усмотрение руководства, то уже спустя годы, этих молодых людей — просто нет, как и перспектив роста для тех, кто не угоден.

Таким образом, членами секции РАН становятся банкиры, владельцы предприятий, тормозя несервильную молодежь, отдающую свою жизнь науке, однако расширяется русская традиция, согласно которой Д. И. Менделеев, например, не был действительным членом Российской академии наук, хотя сделал для нее больше других. Одной из причин того, что члены секции не видят и не знают работ отечественных авторов и не умеют их по достоинству оценивать, поступая в соответствии с правилом «нет пророка в своем отечестве», является то, что они их не читают, воспринимая в основном достижения на слух, по докладам. Оценка на слух, по докладам, конечно, создает искаженное впечатление о подлинном вкладе соискателя. Эта краткая упрощенная форма и создавать она может такое же впечатление, короткое и упрощенное — иного не дано.

И если мы не можем организовать работу той маленькой в масштабе страны подсистемы — Академии наук, даже в размере тех действительно скудных ресурсов, которыми обладаем, то почему мы думаем, что сможем организовать экономику страны и ее модернизировать? Происходящее в этих маленьких подсистемах направлено против инноваций.

Безусловно, мы против уничтожения Академии наук (подобные планы периодически обсуждаются, принимая вид неких дискуссий) с целью захвата ее зданий, сооружений, инфраструктуры, развернутой в лучших уголках Москвы и других столичных городов, но и то, что наблюдается сейчас, по крайней мере, по секции экономики — не может далее продолжаться ни в рамках этой секции, ни в рамках других секций. Часто лоббируются и открываются специальности под конкретного человека, чтобы он стал членом-корреспондентом или академиком по этой специальности, направлению. Большой частью проходят директора институтов или их заместители. Но почему и кто решил, что, получая и так более высокую заработную плату за их должность, они автоматически осуществили вклад в науку, занимаясь в основном административной работой? Должность не определяет этот вклад. И старший, и ведущий научный сотрудник, и профессор кафедры вполне могут внести вклад куда больший, нежели их начальник, поскольку именно они заняты конкретными исследованиями в конкретных областях, что и должно подлежать честной оценке. Разумеется, эта оценка зависит от исходного уровня тех, кто оценивает, а он, в свою очередь, не определяется фактом их избрания или должности. Прямой связи здесь нет и быть не может.

Особо опасным для России видится идея переноса научной компоненты в высшие учебные заведения, в то время как они явно пока не готовы к этому. Более того, видимо, это делается в ущерб имеющимся возможностям Академии наук. Такое противопоставление, а именно оно обнаруживается в области образования и науки последних лет, крайне вредит развитию и системы академических исследований, и системе высшего образования в России. Стратегия должна состоять в объединении этих систем, их усилий в решении единых задач образования и науки.

Нужно отметить еще одну тенденцию в российском научном экономическом истеблишменте. Поскольку он становится все более бюрократизированным, отторгает настоящих исследователей, посвятивших себя науке, постольку, подчиняясь законам бюрократического развития, главной целью которого является отчет и формализация работы, выдвигается молодежь, но молодежь «сервильная», то есть выдвигаемая по принципу «родства», близости к некоему клану, выгоды для членов бюрократического сообщества. Формально система рапортует о выдвижении молодежи. Но возникает вопрос, почему выдвинут один субъект, а не другой? Кто сравнивал их таланты, их способности, их вклад в науку? Один субъект защищает в феврале месяце докторскую диссертацию, в мае получает уже диплом, а в июне становится заместителем директора или руководителем некоего фонда или института. «Зеленая улица» открыта некими силами для этого агента, а другому не дают создать кафедру или сектор, причем у него есть соответствующие специалисты. Проблема в непотических связях, отчасти и в коррупции. Причем коррупция и борьба с ней в России мифологизируются, поскольку невозможно бороться с укладом жизни, а коррупция — это и есть сформировавшийся уклад жизни, пронизывающий все ее проявления снизу доверху. Поэтому, вспоминая русского академика И. И. Янжула, только повышением всестороннего «экономического значения честности» можно за довольно длительный период попытаться изменить ситуацию. К сожалению, процессы демотивации и нравственного распада имеют большую силу инерции. Противостоять им можно только с вершины власти, ориентируя средства массовой информации, коммуникаций, интернет и иные культурные средства на воспроизведение честного результата и отторжение неискренности, лени, приспособленчества, угодничества с тем, чтобы воссоздавать атмосферу конструктивного этичного диалога и нравственного оздоровления общества — атаки проблем, а не людей, выяснения того, что правильно, а не того, кто не прав. Такая атмосфера и организация будет полезна к процедурам выборов в Академии наук и к функционированию высшей школы России.

Разумеется, членами Академии наук могут и должны становиться специалисты организации научных ис-

следований, то есть занимающие административные посты, но их доля в общем объеме участников, на наш взгляд, не должна быть не только высокой, но и значительной. К сожалению, сейчас ситуация прямо противоположная. Причем, чем выше финансовые ограничения, тем устойчивее тенденция избирать тех, кто финансы может предоставить. Подобное положение вещей должно быть устранено, как и ранжир достижений по возрасту. Более того, эта доля по секции экономики явно нарастает, включая в нее и олигархов, банкиров, которые готовятся к избранию или уже избраны членами секции. Можно возразить, что затраты на Академию невелики. Это правда, но пусть даже невеликие затраты не будут осуществлены на подъем «величия» отдельных представителей, а пойдут на финансирование домов престарелых и ветеранов, которые вклад осуществили не сомнительный — они защитили страну и будущую жизнь ее народов.

Когда атрибуты и борьба за «предфамильные приставки», облагороженная высоким пафосом разговоров о перспективах науки, становится главным императивом поведения исследователей, их работы, докладов, когда почти никто из тех, от кого зависит оценка, не читает крупных работ претендентов, а воспринимает большую часть информации на слух или по рекомендации своего коллеги (внутри корпорации), то научная сфера обречена на неэффективность и необъективность. Сейчас складывается ситуация, когда можно обесценить любой тезис, какой бы логической силы он ни был. Если исследователь задевает интересы «научной бюрократии» или «академического шоу-бизнеса», то он будет отторгаться системой — никто не скажет: «да, этот исследователь честен и прав». В этом и состоит основная проблема нынешнего этапа российской экономической науки, людей, ее представляющих.

Существует еще масса проблем развития экономической науки — это покупка диссертаций, работа диссертационных советов, кафедр, институтов, бюджетного финансирования, заказа на экономические исследования и т. д. Но все они вытекают и являются производными от сложившейся системы правил и психологических установок, которые действуют на зависимое и интеллектуально недостойное и жалкое ее существование.

Перспектива экономической науки России состоит в том, чтобы она прекратила себя унижать и как следствие этого самоунижения — уничтожать. А противостоять самоунижению можно активной работой, оригинальными идеями и аргументированными предложениями, честностью и искренностью позиции и даже совершаемых ошибок, которые имманентны процедуре научного поиска, а также смелостью идти в противоположном фарватере власти и всемогущей бюрократии, представляющей и российскую науку.

Олег СУХАРЕВ,

доктор экономических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник ИЭ РАН